

СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ИГОРЕВА, вдова, 44 года

ТАНЯ ИГОРЕВА, её дочь, 18 лет

СТЕЛЛА МАМОНТОВА, племянница ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, 36 лет

ПЁТР АБРАМОВИЧ ДРЕЙФУС, замдиректора фирмы, 35 лет

ФЁДОР ВЕНИАМИНОВИЧ КОЛЬЦОВ, сотрудник фирмы, 29 лет

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТРЕХНЕВ, главный бухгалтер фирмы, 54 года

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ ПТИЦЫН, бывший филолог, 48 лет

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРИДЛЯНД, врач, 58 лет

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ СЕСТРУХИН, следователь, 49 лет

ФИГУРА В ЗЕРКАЛЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная в квартире ИГОРЕВЫХ. Рядом с входной дверью овальное зеркало на стене. Добротная, безвкусная мебель. Бархатные шторы. Диван. Над диваном новенький гобелен. Затравленный единорог стоит на коленях в кольце длинноносых охотников. Посредине комнаты огромный сервированный стол.

У стола ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА и ПТИЦЫН. ПТИЦЫН помогает расставлять посуду.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА — расплывшая крашеная блондинка в чёрной юбке и строгом чёрном пиджаке. На пухлой шее нитка сверкающих жемчужин.

ПТИЦЫН в дешёвом синем костюме. Поверх костюма белый фартук. На левой половине его лица большое синевато-сизое пятно — след недавней автомобильной катастрофы. Костлявое тело ПТИЦЫНА движется вдоль стола очень осторожно.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Спасибо, Витенька. Мне бы одной тут не справиться. Домработница у нас вторую неделю болеет. А Таня вообще ничего дома не делает... Всё. Отмучаюсь сегодня, и больше видеть их не хочу. Поминки всё-таки...обычай... А чего поминать-то? Сколько я от него натерпелась за эти 20 лет! Вы и представить себе не можете... А последнее время и видела-то его, наверное, раз в неделю. Но знаю много... и про баб его, и про Стелку... Стелку я ему никогда не прощу!

ПТИЦЫН: Пусть его теперь Бог прощает. Недобрый был человек.
(Пауза.) Я, вот, слышал, может, и не самоубийство это.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (сосредоточенно глядя на люстру): Может быть.

Входят ТАНЯ и ДРЕЙФУС. ТАНЯ в коротком чёрном платье. Поверх платья мотоциклетная куртка с шипами и заклёпками. ДРЕЙФУС в элегантном двубортном костюме. Дымчатые очки в золотой оправе. Во рту всё время шевелится непрожёванная усмешка.

ДРЕЙФУС: Елена Алексеевна, даже не знаю, что надо говорить в таких случаях... Я вам очень сочувствую.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Спасибо. Спасибо.

Уходит на кухню. ПТИЦЫН торопливо идёт за нею.

ДРЕЙФУС (нервно, со значением): Мне сегодня повестку в прокуратуру прислали. Видно, с меня первого допросы начинают... интересно, почему бы это?

ТАНЯ: Не знаю.

Швыряет куртку в угол. Забирается с ногами на диван.

ДРЕЙФУС: Дела у фирмы очень сложные последнее время... и здесь и за границей... Турция, Америка, Колумбия... Многое мог бы вам рассказать... Да, властный был человек Вениамин Фёдорович. Я три дня назад своими глазами видел, как он чуть не задушил Баршова. Жирный такой фраер. В пятнистой форме ходит. У него вся солнцевская мафия в руках. Я когда в кабинет вошёл, Вениамин Фёдорович уже Баршова за горло держал. Тот даже хрипеть начал. (Маленькая пауза.) А вы совсем на него не похожи.

ТАНЯ: Правда?

Потягивается. Короткая юбка ползёт вверх. Ноги в чёрных колготках выпрямляются на диване.

ТАНЯ: Может, и не так уж не похожа. Не знаю. А только я отца своего всё время рядом чувствовала. Даже во сне. Хочу представить мужика какого-нибудь и — не могу. Тут же его лицо наплывает. Секунду смотрит прямо перед собой, ничего не замечая. Передёргивается.

ДРЕЙФУС: А вам часто снится такое?... (Спохватывается.) Изви-

ните меня... Я просто не знаю, как себя вести... хочется вам понравиться. Is it OK?

Приближается к ней.

ТАНЯ (*вставая*): Ну, хорошо. Вы тут продолжайте мне нравиться, а я пойду маме помогу. Сегодня ведь поминки всё-таки.

Возвращается ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА. Глаза её оживлённо блестят. За нею входит ПТИЦЫН с блюдом дымящейся картошки.

Через минуту появляется ТАНЯ. Ставит две бутылки водки в центр стола и начинает ходить по комнате, заложив руки за спину.

Звонок. Входит КОЛЬЦОВ, молодцеватый русский человек в чёрном кожаном пиджаке. Слегка навеселе. Подходит очень близко к ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ.

КОЛЬЦОВ (*торжественно и немного насмешливо*): Примите ещё раз, Елена Алексеевна, все мои соболезнования. (*Долго держит её руку. Наконец замечает ПТИЦЫНА.. А, и ты уже здесь, сектант унылый! (Идёт через всю гостиную к ТАНЕ.) А вы, значит, дочь Елены Алексеевны? Ну, наконец-то! (Рассматривает её весело и откровенно.) Я много о вас слышан.*

ТАНЯ: Ну и что?

КОЛЬЦОВ: Вы покрасивее, чем я думал.

ТАНЯ (*злится*): А вам-то какое дело?

За окном раздаётся рёв милицейской сирены и входят ТРЕХНЕВ и СТЕЛЛА. ТРЕХНЕВ в тройке. Белый треугольник платка торчит из нагрудного кармана. Широкое, плохо отрихтованное лицо. Фарфоровые зубы. Морщины завязаны в узел на лбу. Татуировка на тыльной стороне левой ладони. Всё время кажется, что он вот-вот произнесёт что-то очень важное.

СТЕЛЛА — плотно сбитая, ухоженная женщина в открытом чёрном платье и бриллиантовом колье. Держит в руках плащ и маленькую сумочку. За ними появляется ФРИДЛЯНД, высокий седой человек в уютном твидовом пиджаке. В его лице с узким лбом и сросшимися бровями есть какая-то тяжёлая сосредоточенность.

ТРЕХНЕВ: Приветствую вас, дорогая Елена Алексеевна. Примите, пожалуйста, наши самые искренние соболезнования. Что делать... Бог дал — Бог взял...

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*сузив на мгновение глаза*): А я и не знала, что вы знакомы. (*Подводит ФРИДЛЯНДА к ТАНЕ.*) Это Евгений Александрович Фридланд, мой доктор.

ТАНЯ (*с интересом*): А вы какой доктор?

ФРИДЛЯНД: Я душу лечу. Моя специальность психические расстройства.

ТАНЯ: И трудно лечить мамину душу?

ФРИДЛЯНД (*усмехаясь*): Ну что вы, одно удовольствие!

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Прошу к столу.

Усаживается во главе стола. Пододвигает стул КОЛЬЦОВУ. Тот делает вид, что не замечает, и уверенно садится рядом с ТАНЕЙ. Сидят минуту молча.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*ПТИЦЫНУ*): Ну что же, разливайте, Витя. Помянем, как водится, все вместе моего мужа.

ПТИЦЫН: Елена Алексеевна, вы что пить будете?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Я водку пью. Водку!

ТРЕХНЕВ (*встаёт*): Значит, так. Я хочу сказать несколько слов о Вениамине Фёдоровиче. Дорогие друзья! От нас ушёл замечательный человек, человек, каких уже почти не осталось. Ушёл ещё молодым, но уже успев совершить многое. (*ТАНЯ делает вид, что закашлялась.*) Я знаю, некоторые его побаивались, но именно на таких, как он — энергичных, сильных, целеустремлённых — держится сегодня страна. Только на них все наши надежды. Память о тебе, дорогой Вениамин Фёдорович, навсегда останется в наших сердцах!

КОЛЬЦОВ: Поехали!

Театрально закидывает голову и пьёт до дна. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА всхлипывает и начинает сморкаться. Разговор за столом постепенно оживляется.

КОЛЬЦОВ (*ТАНЕ*): Да, умел командовать родитель ваш. Похоже, и у вас это есть.

ТАНЯ: Вы это всерьёз?... Чего же он застрелился, если он такой сильный?

КОЛЬЦОВ (*чуть понижая голос*): Застрелился? Стоял он кому-то поперёк горла, вот и всё. А замочить человека теперь, сами знаете, ничего не стоит... Огромная в нём сила была.

ТАНЯ: А чего хорошего в силе-то?

КОЛЬЦОВ (*серьёзно*): В силе всё хорошее. Сильные правы всегда. Если и есть Бог, то Он только через молодость, только через силу и проявляется. Надо не бояться быть сильной, самой добиваться, чего хочешь и кого хочешь. А не отдавать всё за здорово живёшь этим хитрым старикам...

ТАНЯ: А по-моему, сила только оглушает.

Пьёт водку, глядя КОЛЬЦОВУ прямо в глаза.

ФРИДЛЯНД: Слишком уж много сильных у нас развелось. Одна надежда, что быстро их отстреливают... А те, кто выживут, наверх вылезают и уже ничего делать не могут, потому что учиться ничему не способны. Слабые всегда более гибкие, лучше приспособляются. Психологически это совершенно понятно. Вот ведь и женщины гораздо дольше мужчин живут... У нас в России только у слабых и есть будущее. Остальных последние 80 лет уничтожали и будут ещё уничтожать.

КОЛЬЦОВ (*возбуждаясь*): Да! Уничтожали! Вот теперь и остались одни хилые и ленивые. Работать никто не хочет, даже на себя. А уж

чтоб для других или для страны что-нибудь сделать, так это и представить себе невозможно... Но есть уже люди, которые понимать начинают, объединяются. Нас гораздо больше, чем вы думаете...

ТАНЯ: Я чего-то не поняла, о ком вы говорите? Кого это "нас"?

КОЛЬЦОВ: Ну, это неважно. Потом как-нибудь расскажу. *(Встаёт. Некоторое время стоит молча, положив левый кулак на стол, и, играючи, ощупывает глазами шею ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ. Пятна света шевелятся у него на пиджаке.)* Господа, я не знаю, как это делается на поминках, но я хочу выпить за жену Вениамина Фёдоровича, за Елену Алексеевну. Двадцать лет вы были с ним рядом. Мы все знаем, как вам трудно сейчас. И если можем чем-то помочь... Я очень хотел бы вам помочь... Не сомневайтесь... и душой и телом...

КОЛЬЦОВ расправляет свои короткие пальцы на скатерти. Глаза ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНЫ лихорадочно блестят. Чёрная слеза стекает по пластмассовой щёке. Она вскакивает и бежит к окну. Уткнувшись в штору, начинает истерично всхлипывать.

ДРЕЙФУС *(ТАНЕ)*: Что это с ней?

ТАНЯ *(раздражённо)*: Откуда я знаю? Наверно, опять травы своей накурилась!

КОЛЬЦОВ медленно подходит к ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ. Гости продолжают разговаривать, делая вид, что не обращают на них внимания.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА *(шепотом)*: Федя, я к тебе хочу! Не могу я так больше!

КОЛЬЦОВ *(наклоняясь над ней)*: Ну, что ты... пока нельзя... надо поосторожнее... следствие ведь... иди, иди к гостям, Лена.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА послушно возвращается за стол. ПТИЦЫН наливает ей водку. Озабоченно смотрит на неё. ТАНЯ, уже сильно захмелевшая, сидит, подбравши ноги, на диване. Её короткое платье вызывающе перекошено.

ДРЕЙФУС *(подходит к ТАНЕ)*: Таня, давайте выпьем за упокой души Вениамина Фёдоровича.

ТАНЯ *(не обращая внимания на протянутую рюмку)*: А как вы думаете, что сейчас с душой отца... *(Встаёт, подходит к зеркалу. Всматривается.)* Неприятная у него душа была. Я её никогда не любила. Неужели она сейчас где-то совсем рядом?... и смотрит на меня?

ДРЕЙФУС: Не знаю. Это сектант наш всё про душу понимает. Виктор Сергеевич, как вы думаете, что сейчас с душой Таниного отца?

ПТИЦЫН: Не надо об этом говорить...

ТАНЯ: Почему же не надо? Я слышала, вы в прошлом году при смерти были. Несколько дней, говорят, в коме пролежали. *(Берёт у ДРЕЙФУСА рюмку и пьёт залпом.)* Может, расскажете, как там на том свете?

ПТИЦЫН (*тревожно*): Рано мне ещё... да и не здесь... Вот вы бы в церковь нашу в воскресенье пришли. Отец Григорий как раз проповедь будет читать о Страшном Суде.

ТАНЯ: Была я в вашей церкви. Туфта одна и тягомотина. (*КОЛЬЦОВ подходит поближе и прислушивается. ТАНЯ продолжает преувеличенно громко.*) Не люблю я этих проповедников кровославных. Всю жизнь каждого кзгэбешника больше Господа Бога боялись, друг на друга стучали, а теперь учат! И вера-то у них вся застывшая... Зачем только Богу их пустое славословие? Он-то знает, кто Он есть... Поговорить бы со священником, который сомневается, спорит с собой... а у этих на всё ответы готовые: читай Евангелъе, читай Библию!

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Таня, что-то ты совсем заговорила. Не надо бы тебе пить больше.

ФРИДЛЯНД: Что же вы дочке высказаться не даёте? Ведь она разобраться хочет. Это совершенно нормально. А Библию, действительно, понять трудно. Писали её на другом языке и для других людей. Вы вот, Виктор Сергеевич, видели когда-нибудь стадо молодых овец, спускающихся утром с гор?

ПТИЦЫН (*с раздражением*): Не в овцах дело...

ФРИДЛЯНД: Конечно, не в овцах. А в том, что даже языка Библии мы не понимаем. А просто так во всё верить, ничего не спрашивая... Таня права, есть в этом лицемерие... Как будто Бога за могущественного дурака принимают.

КОЛЬЦОВ: А что, он верно говорит! Кто сейчас будет читать эти старые еврейские книги?... Нет, нам русская религия нужна... молодая!

СТЕЛЛА: Таня, а зачем, вообще, тебе вся эта муть? Только голову себе морочишь впустую. Живи, пока можно... Ты ведь не девочка уже... Отец твой жить умел...

ТАНЯ: Знаю я, как он умел. Всё себе хватал. Звери так живут.

ДРЕЙФУС: За что же вы, Таня, отца своего так ненавидите? Тем более сейчас, когда его уже нет. Все хватают. И здесь, и в Америке.

ТАНЯ: Вот поэтому и сидим в таком говне. А дальше ещё хуже будет.

ТРЕХНЕВ (*наклоняясь к ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ*): Вы не знаете, дорогая моя, Вениамин Фёдорович дома бумаг никаких не держал? Отчитываться надо перед клиентами, а мы части документов найти не можем.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*очень быстро*): Нет, в доме я документов не видела... Был тут, правда, один листочек с записями про какого-то "меченого". Так я Евгению Александровичу отдала на всякий случай. Он у него лечился последнее время. А больше никаких бу-

маг не было. Хотя, конечно, может следствие изъяло. У нас ведь обыск здесь был вчера.

ТРЕХНЕВ: Нет, мы бы уже об этом знали. *(Пауза. Степенно закуривает и распускает узел морщин на лбу.)* Значит, так. Я вам, Елена Алексеевна, тысяч десять долларов переведу из фонда фирмы. Занесу вам на днях. Лично. У вас такие расходы... похороны, поминки, дочка растёт. Мы о ваших делах, дорогая моя, помним. Только и вы о нас не забывайте!

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Спасибо вам огромное. Я не ожидала даже...

ПТИЦЫН: Таня, вы вот говорите, в дерьме живём. Конечно, может, это и так. Только понять надо, почему. Ведь дело всё в том, что выше себя никого представить не можем, смысла жизни своей понимать не хотим.

ДРЕЙФУС *(раздражённо)*: Что вы всё: "смысл жизни! смысл жизни!" Если честно говорить, нет в жизни смысла никакого, кроме как удовольствия побольше получить. И для этого деньги нужны. Всё остальное болтовня пустая... А время сейчас хорошее...

ФРИДЛЯНД: У меня пациентка одна есть. Муж у неё бизнесмен. Так она ко мне за всю зиму, пожалуй, ни разу в одной и той же шубе не пришла. Дочка в Америке учится. Глава семьи всегда в разъездах со своими секретаршами. Любownikам от неё только деньги нужны. Тяжело, правда? У неё уже реактивная депрессия началась... Хотя, с другой стороны, полная свобода. Что захочет, то и делает. Только не знает, чего захотеть.

ТАНЯ, закинув голову, смеётся.

ДРЕЙФУС: Таня, а вы хотели бы так пожить?

ТАНЯ: Как?

ДРЕЙФУС: Ну, быть женой или просто любимой женщиной очень богатого человека и жить в своё удовольствие. Надо ведь всё в жизни попробовать.

ТАНЯ *(серьёзно)*: Никогда об этом не думала...

ДРЕЙФУС *(воодушевляясь)*: Да, воруют у нас с размахом, по-русски. Ко мне приятель вчера из Якутии приехал. Тридцать два года человеку, а уже десять миллионов долларов в Швейцарии... У них там, в Якутске, все белые люди воруют... Леса, алмазы, хребты горные... Дикий Восток... А чего стесняться-то? Я вам вот что скажу, нищие пусть стесняются! Им больше делать нечего. Коммунисты у нас семьдесят лет воровали. А теперь, кто поумнее, справедливость восстанавливают, о-кэй?... Отбор идёт очень жёсткий.

ФРИДЛЯНД: Просто как у вас всё получается, Пётр Абрамович. И справедливость восстанавливаете, и себя не забываете. Хорошо,

страна у нас большая. Долго воровать можно.

ДРЕЙФУС (*насмешливо*): Не волнуйтесь, Евгений Александрович. На всех хватит.

ПТИЦЫН: Да... У хозяев жизни свои проблемы... Надоели мне все эти разговоры. Елена Алексеевна, я пойду, ладно?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Спасибо, Витенька.

ПТИЦЫН уходит, ни с кем не прощаясь.

ФРИДЛЯНД (*ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ*): Любопытный он человек. Вроде бы — агнец, мухи не обидит. Но очень хорошо знает, чего хочет, и своего не уступит. (*Пауза.*) Елена Алексеевна, а знаете, вы ведь ему нравитесь.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Да бросьте вы... Ему разве до женщин теперь!

КОЛЬЦОВ (*усмехаясь*): А почему бы нет? Жизнь своё требует. Ему ведь ещё и пятьдесят нет. А пятно это... Не всё же время он в зеркало смотрится... Да что там этот сектант! Вам теперь жить да жить!... Когда проходит молодость, ещё сильнее любитя. Эх, Елена Алексеевна, не знаете вы своей красоты!

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА вынимает носовой платок, сморкается в него. Всклипывает.

ТРЕХНЕВ: Я думаю, мы тоже пойдём, дорогая моя. Я слышал, по делу Вениамина Фёдоровича следователя специального назначили... Завтра трудный день будет.

Гости расходятся. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА остаётся одна во главе разорённого стола. Машинально берёт с тарелки картофелину, макает её в чёрную икру и начинает жевать.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через пять дней. Та же гостиная в доме Игоревых. ТАНЯ в белом махровом халате сидит, босая, на диване, читает книгу. В дверях появляется КОЛЬЦОВ.

ТАНЯ *(не вставая)*: Как вы сюда попали? Проходной двор какой-то...

КОЛЬЦОВ: Звонок у вас не работает, а дверь не заперта. Елена Алексеевна дома?

ТАНЯ: Нет её.

КОЛЬЦОВ: Ну что ж, придётся заявиться попозже. *(Усаживается на стул рядом с диваном. Поднимает с пола книгу.)* "Тибетская книга мёртвых." Для вас, что, мёртвые в Тибете интереснее, чем живые в Москве?

ТАНЯ: Про живых в Москве я уже всё знаю. У вас дело ко мне?

КОЛЬЦОВ *(медленно, как бы раздумывая)*: Я тогда слушал вас на поминках, как вы с сектантом этим спорили о душе, о церкви... Есть в вас что-то такое настоящее, русское... Знаете что... давайте пойдём вечером в гости к моим знакомым?

ТАНЯ: Зачем мне ваши знакомые? Своих полно.

КОЛЬЦОВ: Пойдёмте, не пожалее! Интересно будет. *(Подходит к ней.)* Ну так что, встретимся сегодня в семь часов у вашего дома?

ТАНЯ *(невинно)*: А как же мама? Вы ведь к ней собирались прийти?

КОЛЬЦОВ *(немного отодвигаясь от неё)*: Приду в другой раз. Не горит.

ТАНЯ: Да... мама как-то изменилась в последние дни. Нервная стала очень, суетливая. Сегодня, вот, всё утро шарик какой-то стеклянный искала.

КОЛЬЦОВ *(вынимает из кармана сверкающий шарик с запаянной внутри мухой)*: Этот, что ли?

ТАНЯ: А я откуда знаю? Может, и этот. Вам он зачем?

КОЛЬЦОВ: Я этим шариком людей могу гипнотизировать. Хотите, вас загипнотизирую.

ТАНЯ: Нет, я гипнозу не поддаюсь.

КОЛЬЦОВ: Все поддаются. Давайте попробуем. Вы, что, боитесь?

ТАНЯ: Чего мне бояться?... Ну хорошо. Только недолго. Мне скоро уходить надо.

КОЛЬЦОВ: Ложитесь поудобнее. Вот так. Не думайте ни о чём. Совершенно расслабьтесь. *(Голос КОЛЬЦОВА приобретает металлическую жёсткость.)* Смотрите, не отрываясь, на шарик, в самый центр. *(Раскачивает шарик очень близко перед глазами ТАНИ.)*

Лоб его покрывается крупными каплями пота.) Я сейчас буду считать до десяти и, когда я закончу, вы уснёте. Раз... Два... В твоём теле появляется приятная теплота... тебе хочется спать... Три... Четыре... Веки становятся тяжёлыми... ты засыпаешь... Пять... Шесть... Семь... Ты засыпаешь... *(Веки ТАНИ опускаются.)* Восемь... Девять... Десять... Ты спишь.

ТАНЯ *(губами)*: Я сплю. Так хорошо...

КОЛЬЦОВ: Ты спишь очень глубоко. Ты слышишь только мой голос.

В дверях появляется СЕСТРУХИН, приземистый человек с грубоватым крестьянским лицом. Седые волосы на шарообразной голове пострижены ёжиком. На нём серая стёганая куртка, чем-то напоминающая ватник арестанта. Спрятавшись за штору, с интересом наблюдает.

КОЛЬЦОВ: Ты слышишь только мой голос. Ты выполнишь всё, что я скажу. Сегодня вечером мы пойдём к моим друзьям.

ТАНЯ: Мы пойдём к друзьям...

КОЛЬЦОВ: Ты ощущаешь приятную теплоту во всём теле. Ты чувствуешь мою руку. *(Просовывает ладонь ТАНЕ под халат, гладит ей сосок. Капля пота падает с его лица ТАНЕ на шею. Медленно распрямляется пучок складок у него в паху.)* Твоё тело раскрывается навстречу мне. Ты хочешь меня, ты ждёшь меня. *(Распахивает халат, проводит пальцем по трусикам у неё между ног. ТАНЯ лежит неподвижно.)* Ты должна сказать, где отец хранил документы, и тогда я войду в тебя. *(Расстёгивает молнию на брюках.)* Ты будешь очень счастлива.

ТАНЯ: Я не знаю, где отец хранил документы. Я про него ничего не знаю. Я боюсь...

КОЛЬЦОВ *(быстро)*: Чего?

СЕСТРУХИН *(выходя из-за шторы)*: Простите, что помешал вам...

КОЛЬЦОВ *(с бешенством)*: Ты кто такой?

СЕСТРУХИН: Я Владимир Петрович Сеструхин, следователь третьего отделения милиции. Занимаюсь делом Игорева. *(Пауза.)* Ваши документы?

ТАНЯ поднимается с дивана. Запахивает халат. Ошалело смотрит на КОЛЬЦОВА, потом на СЕСТРУХИНА.

КОЛЬЦОВ *(рывком застёгивая брюки)*: Нету у меня с собой никаких документов.

СЕСТРУХИН: Фамилия? Имя, отчество?

КОЛЬЦОВ: Кольцов, Фёдор Вениаминович.

СЕСТРУХИН: Так, так. Мне как раз с вами поговорить нужно.

(ТАНЕ): А вы дочь Игорева? Татьяна? Елена Алексеевна дома?

ТАНЯ: Её нет... Она скоро придёт. Извините, я тороплюсь.

СЕСТРУХИН: Идите, идите. Мы с вами ещё встретимся.
(КОЛЬЦОВУ): А вы, гражданин Кольцов, оставайтесь.

ТАНЯ уходит в спальню. СЕСТРУХИН вынимает блокнот, не обращая внимания на КОЛЬЦОВА, что-то записывает.

СЕСТРУХИН (неторопливо): Вы знаете, что использование гипноза лицами, не имеющими специального разрешения, является уголовным преступлением? (КОЛЬЦОВ пожимает плечами. Пауза.) Расскажите-ка, что вам известно об обстоятельствах смерти Вениамина Фёдоровича Игорева?

КОЛЬЦОВ (чётко по-военному, но немного ёрничая): О смерти Игорева я узнал шесть дней назад в прошлую среду, в девять часов, когда пришёл на работу. Замдиректора фирмы Пётр Абрамович Дрейфус сообщил мне, что Вениамина Фёдоровича нашли мёртвым в его кабинете.

СЕСТРУХИН: Где вы находились в предыдущую ночь с часу до трёх утра?

КОЛЬЦОВ: Дома был. Спал.

СЕСТРУХИН: И кто-нибудь подтвердить это может? (Пауза.) Так, так. Придётся разобраться. Расскажите кратко свою биографию.

КОЛЬЦОВ: Родился в Тюмени в 1966 году. Русский. После окончания училища служил в войсках Комитета Государственной Безопасности. Уволился в чине капитана в 1992 году.

За спиной СЕСТРУХИНА приоткрывается дверь из спальни. Появляется голая ТАНИНА рука с листком бумаги, на котором написано: "Да!! В 7!!". КОЛЬЦОВ нетерпеливо кивает, и рука исчезает.

СЕСТРУХИН: В чём состоят ваши служебные обязанности?

КОЛЬЦОВ: Помощник директора фирмы треста по особым поручениям. Организую встречи с потенциальными покупателями. Участвую во всех переговорах о продаже нефти и цветных металлов.

СЕСТРУХИН: Кому принадлежит контрольный пакет акций?

КОЛЬЦОВ: Большая часть фондов контролировалась лично Вениамином Фёдоровичем. Остальное главным бухгалтером, Трехневым.

СЕСТРУХИН: Так, так. (Маленькая пауза.) В каких отношениях вы находитесь со вдовой Игорева, гражданин Кольцов?

КОЛЬЦОВ (с досадой): Ни в каких особенных.

СЕСТРУХИН: И с дочерью её тоже ни в каких особенных? Тесно же вы связаны с этой семьёй! С этим тоже разобраться придётся. (Пауза.) С какого времени являетесь членом организации "Молодая Россия"?

КОЛЬЦОВ (очень спокойно): С января 1994-го.

СЕСТРУХИН: Что вам известно о контактах Игорёва с организацией?

КОЛЬЦОВ: Я познакомил Вениамина Фёдоровича с руководством организации около двух месяцев назад. Мне известно о трёх встречах. На одной я присутствовал. Вениамин Фёдорович предложил участвовать в финансировании. Примерно месяц назад он порвал все контакты с организацией.

СЕСТРУХИН: В чём была причина разрыва?

КОЛЬЦОВ: Насколько я слышал, руководство отказалось выполнить условия, которые поставил Вениамин Фёдорович. О содержании условий мне неизвестно.

Пауза.

СЕСТРУХИН: С какого времени работаете в фирме?

КОЛЬЦОВ: С января 1994-го. (Добродушно улыбается.) Если вам понадобятся сведения с предыдущего места работы, можете позвонить генералу Федосееву в ФСБ. 232-28-75. Он был моим начальником в пятом управлении.

СЕСТРУХИН: Знаю я этот телефон. Пока всё. Можете идти.

КОЛЬЦОВ пожимает плечами и уходит, чётко печатая шаг. Входит ТАНЯ в той же мотоциклетной куртке и джинсах.

СЕСТРУХИН: Я тут Елену Алексеевну обожду. Не возражаете?

ТАНЯ: Ждите сколько вам нужно. А я пойду. У меня сегодня дел много.

СЕСТРУХИН: Не торопились бы вы с вашими делами.

ТАНЯ: Мои дела к милиции отношения не имеют. Сама разберусь.

Уходит. СЕСТРУХИН садится на диван и начинает что-то быстро писать в блокнот. Появляется ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА в светлом облегающем платье, с ниткой жемчуга на шее. Напевает что-то весёлое. Замечает СЕСТРУХИНА.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Ой! Господи, а вы кто такой?

СЕСТРУХИН: Не пугайтесь, Елена Алексеевна. Я следователь третьего отделения милиции Сеструхин, Владимир Петрович. Пришёл побеседовать с вами о деле вашего мужа. Я подумал, в неофициальной обстановке нам будет легче разговаривать. Меня впустила ваша дочь. Ей надо было уйти, и она оставила меня здесь. (Пауза.) Елена Алексеевна, нам нужна ваша помощь. Дело о смерти вашего мужа оказалось гораздо сложнее, чем мы думали. У следствия есть основания предполагать, что это убийство. На пистолете Вениамина Фёдорыча отпечатков пальцев не оказалось. Похоже, что убийца был в перчатках и стрелял с очень близкого расстояния. Это должен был быть че-

ловек, которому ваш муж полностью доверял. Как вы думаете, кто это мог сделать?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Не знаю! Я никогда не вмешивалась в его дела.

СЕСТРУХИН: С какого времени вы знакомы с Фёдором Вениаминычем Кольцовым?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: С января 1994, когда он начал работать у мужа в фирме. А что?

СЕСТРУХИН: Расскажите-ка о ваших отношениях.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*деревянным голосом*): Следствия это не касается.

СЕСТРУХИН: Следствия всё касается... Так, так... Значит отказываетесь? Я должен вас предупредить: отказ от дачи показаний или дача ложных показаний является преступлением и карается лишением свободы сроком до трех лет. (*Пауза. СЕСТРУХИН вздыхает.*) Придётся вам кое-что напомнить.

Вынимает портативный магнитофон. Вставляет плёнку, прокручивает её, наконец находит нужный кусок и нажимает кнопку.

Голос ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ: Феденька, как хорошо, что я тебя застала! У меня такая ужасная ночь была!

Голос КОЛЬЦОВА: Ну, что там опять?

Голос ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ: Венька вчера домой вваливается вечером. Еле на ногах стоит. Улёгся на диван, за сердце хватается, а сам весь лиловый. Говорить не может, только мычит.

Голос КОЛЬЦОВА: Ну, а ты что?

Голос ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ: Я сначала, конечно, хотела «скорую вызвать». Подошла к телефону, а руки у меня совсем онемели... не могу поднять трубку, и всё. И вдруг подумала: а, может, это судьба? Может, сжалился надо мною Бог... Посмотрела я на Веньку, и такая во мне злость поднялась! Из-за этой вот лиловой туши, думаю, мне всю жизнь мучиться?

Голос КОЛЬЦОВА: Ты дело говори, Лена.

Голос ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ: Да, какое дело... приняла две таблетки валиума и ушла спать.

Голос КОЛЬЦОВА: А с ним что?

Голос ЕЛЕНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ: Ничего! Просыпаюсь я сегодня часов в двенадцать. Он на кухне сидит, кофе пьёт. Стелка к нему приехала. Вся разодетая с утра пораньше. Разговаривают. На меня сначала ноль внимания. А потом он усмехнулся, отвратно так, и говорит: «Я про тебя вчера ночью всё понял. Ты ведь меня убить

готова. Чтобы через две недели тебя здесь не было... Ищи себе квартиру" ... Ну, что скажешь? С собакой так не обращаются! Своими бы руками его задушила!

Голос КОЛЬЦОВА: Да не суетись ты, Лена... недолго уже...

Голос ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Тебе легко говорить, а мне через две недели съезжать! И жить-то на что я буду? Ты же его знаешь...

Голос КОЛЬЦОВА: Придумаем что-нибудь... за две недели много чего может произойти.

СЕСТРУХИН выключает магнитофон. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, вся белая, опускается на диван. Губы её трясутся. Задышавшись, оттягивает с горла ожерелье. Жемчужины рассыпаются по дивану.

СЕСТРУХИН: Так, так. Значит, всё ещё отказываетесь отвечать? *(Пауза. Кадык СЕСТРУХИНА равномерно, как поршень, движется вдоль жилистой шеи.)* Что вам известно о Кольцовой, Анастасии Ивановне?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА *(еле слышно)*: Не знаю я никакой Кольцовой Анастасии Ивановны.

СЕСТРУХИН: По данным следствия Кольцов Фёдор Вениаминыч, 1966 года рождения, является внебрачным сыном вашего мужа и гражданки Кольцовой Анастасии Ивановны, проживающей в городе Тюмени.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Господи, что же это получается... Венкинский сын?? Нет, не может быть!

СЕСТРУХИН: Почитайте-ка эту справку из областного ЗАГСа города Тюмени. Вы знаете, что Игорев, после отбытия срока в исправительно-трудовом лагере, жил с 1962 в Тюмени на поселении?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА тупо смотрит на справку. Падает на диван, истерично бьёт кулаками по подушке.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Вот сволочь!... Какая сволочь!... Ведь я ему, значит... а он... через меня к отцу своему подбирался...

СЕСТРУХИН *(подходит к ней)*: Елена Алексеевна, расскажите-ка лучше всё с самого начала... Мы этот телефон уже три недели прослушиваем... Я вам помочь хочу... вам же легче будет.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА *(всхлипывая)*: Я скажу... Я всё скажу... Он меня заставлял... гипнотизировал шариком своим проклятым... траву приучил курить... они все курят... я ведь всю жизнь делала, что от меня хотят... Даже в ту ночь, когда Веню убили...

СЕСТРУХИН *(осторожно поглаживая её по плечу)*: Хватит! Успокойтесь, Елена Алексеевна. Кольцов от вас чего-нибудь добивался в последние дни перед смертью мужа?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА *(запинаясь)*: Ключ ему был нужен. От стола

у мужа на работе. Веня ключ этот всегда на груди на цепочке носил... Фёдор целую неделю уговаривал меня, пугал... а я, идиотка, не выдержала... Потерять его боялась.

СЕСТРУХИН: Продолжайте, Елена Алексеевна, рассказывайте.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Чего тут рассказывать? Подмешала вечером Вене снотворного. А когда он уснул, как мёртвый, сняла ключ этот проклятый с цепочки и вынесла Фёдору. Он мне его назад через час принёс...

СЕСТРУХИН: У него в этом столе пистолет тоже хранился?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*испуганно*): Не знаю я! Честное слово, не знаю!

СЕСТРУХИН: Так, так. Значит Кольцов в ночь смерти Игорева у вас был? До самого утра?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*кивает, всхлиывая*): Тани тогда в городе не было. А Веня домой редко ночевать приходил. Последнюю неделю вообще ни разу... Он, если домой хотел прийти, обычно звонил. Вы же знаете, там на плёнке всё это есть...

СЕСТРУХИН: Вам известно, где он ночевал?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Да, что, у него мест мало было? У него в "Савое" номер свой. Или у баб каких-нибудь... Он передо мной не отчитывался. (*Пауза.*) Владимир Петрович, кто она — эта Кольцова?

СЕСТРУХИН: Ну, что вам сказать... простая женщина. Раньше дворничихой работала. Потом, когда Игорев её бросил, спилась совсем... нищенствует теперь в Тюмени.

Пауза.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: А что, меня теперь за соучастие арестовать могут, да?

СЕСТРУХИН: Не бойтесь. Никто вас не арестует.

Вытирает мятым платком чёрные слёзы на её щеках.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Помогите мне... я всегда от других зависела... меня заставляли... а теперь совсем одна...

Закрывает лицо руками, истерично плачет.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В тот же день на квартире у КОЛЬЦОВА. Финская мебель. Компьютер. Факс. Бар с большим количеством иностранных бутылок. Кожаный диван. Гантели. Над диваном в рамке увеличенная фотография из паспорта. Тяжёлое, мясистое лицо с квадратной челюстью.

Шум за сценой. Оживлённо переговариваясь, входят ТАНЯ и КОЛЬЦОВ.

КОЛЬЦОВ: Так как тебе понравилось у моих дружков?

ТАНЯ: Не знаю даже... Интересно... Но слишком уж они одержимые какие-то.

КОЛЬЦОВ: Правильно! Одержимые! Только одержимые могут что-то сделать в такое время. Всё начинается с одержимых... Но к нам уже прислушиваются. И ребята в правительстве, и кое-кто в окружении Президента. Понимают, что за нами будущее... Конечно, для этого деньги нужны... много случайных людей терпеть приходится... но главное, что уже началось... Я ведь, Таня, детдомовский. Я шкурой чувствую, наступает наше время. Теперь вся Россия как огромный детдом.

ТАНЯ: И ещё не понравились мне все эти разговоры об искусственном осеменении, о банках спермы каких-то... Как будто коров разводить собираются.

КОЛЬЦОВ: А что делать-то? Ведь у нас все лучшие гены в братских могилах зарыты. Вымирает народ, вырождается... Нет, нового человека создавать надо! Нам самим. А как это сделать? Я вот, например, своих родителей почти и не знаю. Мать у меня спилась, а отца только год назад и увидел-то в первый раз. Побаловались они как-то ночью, а потом бросили меня... Живи себе... Отец у меня был очень крутой. Всё у него было... деньги, бабы... А про меня за всю жизнь даже и не вспомнил ни разу... Разве можно прожить такое?

ТАНЯ: Похоже, много злости у вас накопилось.

КОЛЬЦОВ: А без злости мне бы не выжить. С пяти лет по детдомам. Всё детство впроголодь... Я коку-колу первый раз попробовал, когда мне уже двадцать шесть стукнуло. А до этого всё больше водку с дружками... Конечно, был бы у меня отец, может, всё бы иначе было... Нет, Таня, чтобы нового человека вывести, надо родителей самим подбирать!

ТАНЯ: Вы это всерьёз? Значит, мужчины для осеменения, а женщины для вынашивания? Скучно это.

КОЛЬЦОВ: Сколько же можно веселиться?... Я вот, например, в про-

шлом месяце в Магнитогорске был. Так уж там сплошное веселье. Алкаш на алкаше. С утра двух слов связать не могут... Какая там работа... Нет, не можем мы ждать. Американцы вон в Калифорнии уже банки спермы нобелевских лауреатов устроили. А нам это нужнее. Для России... для Молодой России это единственный шанс!

Из раскрытого окна доносятся звуки музыки. Женский прокуренный голос насмешливо поёт: "Ох, Лёха, Лёха. Мне без тебя так плохо. На сердце суматоха. Я точно говорю..."

ТАНЯ ходит по комнате, заложив руки за спину. Останавливается перед фотографией над диваном.

ТАНЯ (*ошарашенно*): Фёдор Вениаминович, а зачем у вас здесь фотография отца?

КОЛЬЦОВ: Это у меня талисман. Больше про жизнь понимаю, когда на неё смотрю.

ТАНЯ (*задумчиво*): Станный вы какой-то...

КОЛЬЦОВ: Таня, давай перейдём на "ты", ладно?

ТАНЯ: А зачем?

КОЛЬЦОВ (*подходит к ней вплотную*): Я сегодня весь день о тебе думаю... чувствую, как нас тянет друг к другу. Мы как две половинки...

ТАНЯ: Не хочу, чтобы ты меня гипнотизировал.

КОЛЬЦОВ: О чём ты говоришь? Как захочешь, так и будет. Ты понимаешь?

ТАНЯ: Нет, не понимаю... То есть понимаю... Нет, не знаю.

КОЛЬЦОВ осторожно, но уверенно кладёт ладонь ей на грудь. ТАНЯ вспыхивает, но не отодвигается.

Всё тот же прокуренный голос за окном выводит: "Ох, Лёха, Лёха! Не допушу подвоха..."

КОЛЬЦОВ: Ну, вот видишь... (*Внезапно замолкает и смотрит на часы. Идёт к столу, вынимает из ящика пухлый конверт.*) Танюша, мне уйти надо минут на пять. Тут партнёр наш из Колумбии, он завтра уезжает. Я должен ему обязательно кое-что передать... он сейчас у Трехнева. Это здесь на восьмом этаже. Я человек оперативный, за несколько минут обернусь.

Уходит. Таня подходит к столу, заглядывает в незакрытый ящик. Осторожно двумя пальцами вынимает пистолет. Читает выгравированную на рукоятке надпись: "Фёдору Кольцову. Молодая Россия." Кладёт пистолет на место. Замечает цветную фотокарточку на дне ящика. Секунду рассматривает её с брезгливым интересом, затем комкает и бросает на пол.

Голос ДРЕЙФУСА за сценой: "Можно?"

ДРЕЙФУС (*входя*): Таня? Вот уж не ожидал! Я тут Феде диски компьютерные принёс. Они ему сегодня понадобятся... Ну, я пойду...

ТАНЯ (*с трудом*): Посидите, пожалуйста. Я вас очень прошу.

Пауза.

ДРЕЙФУС: Я сегодня полдня у Сеструхина пробыл. Хитрый он мужичок. Очень уж себе на уме. Вьедливый... А я в Америку собираюсь на следующей неделе. На месяцок-другой. У меня там хорошие связи есть... Дело одно хочу проверить. Если выгорит, ни от кого больше зависеть не буду... Я человек удачливый.

ТАНЯ: Что вы всё о деньгах, о деньгах.

ДРЕЙФУС: Вы знаете, Таня, у меня отец диссидентом был. Четыре года назад от рака умер. Так он всю жизнь за справедливость боролся. Пять лет в мордовских лагерях отсидел. А когда вышел, ни одна сука нам не помогала! Даже во время перестройки. Маминой учительской зарплаты еле на еду хватало. Я потом много об этом думал и понял, что если я о себе не позабочусь, никто обо мне не позаботится... Я, что, не имею права на свой кусок счастья?... Так хочется пожить где-нибудь во Флориде... с любимой женщиной... и не думать ни о чём, никого не бояться, не видеть эти рожи... просто наслаждаться жизнью, о-кэй?...

Возвращается КОЛЬЦОВ. ТАНЯ, сдвинув брови, идёт ему навстречу через всю комнату, на ходу демонстративно поддевая ногой скомканную фотокарточку. Подходит и, ни слова не говоря, даёт ему пощёчину.

КОЛЬЦОВ (*хватает её за руку*): Ты что, с ума сошла?

ТАНЯ (*вырываясь*): Пойдёмте, Пётр Абрамович. Вы ведь проводите меня?

КОЛЬЦОВ: Ты никуда не пойдёшь! (*Замечает скомканную фотокарточку.*) А-а-а...

ДРЕЙФУС: Таня хочет уйти. Отпусти её, Фёдор.

КОЛЬЦОВ: Не вмешивайся, Абрамович!

ДРЕЙФУС (*подходя вплотную*): Отпусти её!

КОЛЬЦОВ нагренированным ударом бьёт ДРЕЙФУСА в солнечное сплетение. Тот, скорчившись, падает. Очки отлетают в сторону.

КОЛЬЦОВ (*тяжело дыша*): Танюша, я тебя не отпущу! Я всё объясню... Ты поймёшь.

ДРЕЙФУС (*с трудом поднимаясь на ноги*): Пойдёмте, Таня. (*Пауза.*) Неужели же вы с этим скотом останетесь?... (*КОЛЬЦОВУ*): Тебе это дорого обойдётся, падлю! Сам теперь будешь разбираться и со следователем, и с Трехневым... Ещё приползёшь ко мне! (*Уходит, со злостью хлопая дверью.*)

КОЛЬЦОВ: Танюша, это всё было давно, до тебя. (*Поднимает скомканную фотографию и небрежно бросает в мусорную корзину.*) Я даже представить себе не мог, что ты есть... такая сильная, краси-

вая... Я был совсем другим... Поверь мне... *(Подходит, берёт её за руку. ТАНЯ стоит неподвижно.)* Если мы будем вместе... Я всё для тебя сделаю, слышишь, всё!

ТАНЯ *(медленно, как бы про себя)*: Ты знаешь, я сейчас подумала... что не понимаю, врёшь ты мне или нет... что мне даже всё равно... И я испугалась себя.

КОЛЬЦОВ: Не думай ты ни о чём.

Гладит её по спине, затем целует в шею. Телефонный звонок. ТАНЯ на секунду удерживает КОЛЬЦОВА.

КОЛЬЦОВ: Алё! *(Слушает, продолжая гладить её по спине всё ниже и ниже.)* Нету её здесь!... Нет, не могу! *(Раздражённо вешает трубку.)* Мать твоя звонила. Разыскивает уже.

ТАНЯ: Чего это вдруг?

КОЛЬЦОВ *(выдёргивая телефонный шнур из розетки)*: Больше нам никто не помешает... Выпьешь что-нибудь?

ТАНЯ: Нет. Я хочу запомнить этот вечер. Мне нужно быть совсем трезвой. У меня ведь ещё никого не было. *(Пауза.)* Я хочу, чтобы ты подарил мне что-нибудь сегодня.

КОЛЬЦОВ: О чём ты говоришь! Я подарю тебе всё, что захочешь!

ТАНЯ: Подари мне свой пистолет.

КОЛЬЦОВ: Пистолет? Вот этот? *(Открывает ящик стола.)* Зачем он тебе?

ТАНЯ: Ты обещал!

КОЛЬЦОВ: На нём же имя моё выгравировано.

ТАНЯ: Подари мне пистолет с твоим именем.

КОЛЬЦОВ *(усмехаясь)*: Ну что ж... возьми. Только осторожнее.

ТАНЯ: Ты что, боишься?

КОЛЬЦОВ: Я? Я ничего не боюсь... я хочу тебя... иди ко мне.

Подходит к ТАНЕ, жадно целует её и ведёт к дивану. Распрямляется пучок складок у него в паху. ТАНЯ с трудом высвобождается. Разглядывает в упор фотографию Игорева на стене. Передёргивается.

ТАНЯ: Нет. Здесь я не смогу, когда он смотрит... Подожди... Поговори со мной!

КОЛЬЦОВ: Жаль. Тут было бы лучше... Неважно... Пойдём в спальню... Тебе не будет больно...

Уверенно обнимает её ниже талии и уводит в глубь квартиры. Свет на сцене гаснет, и через минуту раздаётся пронзительный ТАНИН крик.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

На следующий день в квартире ФРИДЛЯНДА. Кабинет, уставленный до потолка книжными полками. Письменный стол. Шкаф с историями болезней. На шкафу чуело совы с янтарными глазами. Кушетка. Бронзовый торшер. Повсюду следы достатка и запустенья. Сквозь раскрытую дверь видна маленькая прихожая. ФРИДЛЯНД сидит за столом. Читает. Звонок в дверь. ФРИДЛЯНД нехотя встаёт и открывает. Появляется СТЕЛЛА в коротком, дорогом платье с голыми руками. Вертит ключи от машины. Грудь её вздымается под платьем.

СТЕЛЛА: Простите, Евгений Александрович, что опоздала. Я к вам прямо с аэробики. Повсюду такие пробки, невозможно проехать.

Снимает чёрные лакированные туфли, надевает шлёпанцы. Поправляет волосы перед невидимым зеркалом.

ФРИДЛЯНД (с удовольствием разглядывая её): Вы можете туфли не снимать... Проходите, пожалуйста. Садитесь, вот здесь, и расскажите, что вас беспокоит.

Открывает ключом шкаф. Вынимает пустую папку. Что-то пишет на обложке.

СТЕЛЛА: А вы на всех своих пациентов такие папки заводите?

ФРИДЛЯНД: Конечно. Каждое слово записываю. Никогда не знаешь, что пригодится. Психиатрия — наука точная... Так на что же вы жалуетесь?

Во время последующего разговора СТЕЛЛА всё время ёрзает на стуле, закидывает ногу на ногу, сначала левую на правую, затем правую на левую. Мелькают её голые колени и в глубине, под коротким платьем, что-то чёрное.

СТЕЛЛА: Я последние дни, после смерти Вениамина Фёдоровича, совсем спать перестала. К утру только минут на десять усну, и всегда один и тот же сон. Будто я с ним... ну, вы понимаете...

ФРИДЛЯНД: Понимаю... Это совершенно нормально. Вы уверены, что вас беспокоит именно это? Может быть, ещё что-то? Как у вас с аппетитом?

СТЕЛЛА: Всё время голодная, а к вечеру напиться хочется до потери сознания. (Со значением.) Но я одна никогда не пью.

ФРИДЛЯНД: Кто-нибудь у вас в роду страдал психическими расстройствами?

СТЕЛЛА: Нет, мы люди крепкие. Психика у нас у всех здоровая.

ФРИДЛЯНД: Лекарства какие-нибудь принимаете? Снотворное? Наркотики?

СТЕЛЛА: Боюсь я этих снотворных. А вдруг не проснёшься! Травку иногда употребляла. Для кайфа. Веня... Вениамин Фёдорович очень любил. Ночью проснётся, стоит голый у окна и курит. Я иногда даже пугалась со сна: толстый, неподвижный, как инопланетянин какой-то... Неспokoйный он был в последнее время. Всех

подозревал. Да уж вы-то знаете... Наверно, и на него у вас такая же папочка?...

ФРИДЛЯНД молчит.

СТЕЛЛА (*взбалтывая, как гоголь-моголь, во рту слова*): Он ведь первый у меня был. Мне тогда ещё и пятнадцати не исполнилось, в девятом классе училась. В трамвае меня зацепил... Он тогда ещё в однокомнатной квартирке жил. Только что в Москве прописался... Выпили мы как следует. Я-то пить совсем не умела. Ну и... Очень просто... Хорошо хоть, не залетела тогда...

Походила я к нему недельки две, и исчез он куда-то. А потом снова встретились, уже через много лет после того, как он на тётке Лене женился. Я тогда стюардессой работала. По всему миру летала... Турция, Америка, Колумбия. Классная жизнь была. (*Маленькая пауза.*) А Веня... ну что... щедрый он был человек, но уж больно странный. Совсем не похож на других... Вы вот знаете, у него пупка не было? Разве так может быть, чтобы человек без пупка? Я у него раз спросила об этом... (*внезапно замолкает*).

ФРИДЛЯНД (*сухо*): Вениамин Фёдорович умер. Давайте лучше с вашим здоровьем попробуем разобраться. (*Пауза.*) Мне придётся вас осмотреть.

СТЕЛЛА с готовностью вскакивает, начинает снимать через голову платье. Чёрный треугольник кружевных трусиков шевелится внизу живота.

ФРИДЛЯНД (*немного помедлив*): Нет, платье можете оставить.

Щупает пульс, внимательно глядя ей в глаза.

СТЕЛЛА: Евгений Александрович, вам нравится моё платье? Мне его только вчера из Парижа привезли... Что это вы на меня так смотрите?... (*ФРИДЛЯНД молчит.*) Скажите, а вы один живёте?

ФРИДЛЯНД: Да. Жена умерла пять лет назад. А с другими женщинами я плохо уживаюсь. Характер скверный.

СТЕЛЛА: Знаете, вы мне так напоминаете одного человека... просто ужас!

ФРИДЛЯНД: Пожалуйста, сидите спокойно. Мне нужно проверить ваши рефлексы.

Вынимает металлический молоточек и легонько касается её ниже колена. Нога СТЕЛЛЫ стремительно взлетает, ударяя ФРИДЛЯНДА в пах.

СТЕЛЛА: Ой, простите меня! Я не хотела. (*Пытается погладить место, куда она ударила.*) Вам не больно?

ФРИДЛЯНД (*скорчившись*): Ничего. Подождите, я сейчас вернусь. (*Уходит, держась руками за низ живота.*)

СТЕЛЛА быстро подходит к шкафу. Перебирает папки. Наконец, находит нужный листок и суёт его под платье. Заслышав шаги ФРИДЛЯНДА, возвращается на своё место.

ФРИДЛЯНД (*с трудом подбирая слова*): Стелла Ильинична, ко мне сейчас должен прийти другой пациент. У вас ничего серьёзного нет. Вы просто очень возбуждены. Я вам выпишу таблетки. Принимайте по одной перед сном.

СТЕЛЛА: Простите меня, пожалуйста. Это, вот, за визит. (*Кладёт на стол пухлый конверт.*) Я уже гораздо лучше себя чувствую после разговора с вами. (*Встаёт. Лист бумаги в её трусиках вызывает оттопыривает платье изнутри. Замечает ошеломлённый взгляд ФРИДЛЯНДА.*) Это ничего. Тут всё в порядке. (*Откровенно подмигивает ему. Оборачивается. Осторожно проводит ладонью между ног поверх платья. Сбрасывает шлёпанцы и, подхватив туфли, уходит босая.*)

Затемнение. Круг поворачивается.

Сцена разделена на две части. Справа полутёмный подъезд в доме ФРИДЛЯНДА. На заднем плане ступени лестницы. Слева освещённый солнцем кусок старой московской улицы.

СТЕЛЛА быстрой походкой спускается с лестницы. На лице её нет и следа прежнего оживления. Нервно оглядывается по сторонам. С улицы в подъезд входит **ТРЕХНЕВ**.

ТРЕХНЕВ: Ну что, принесла?

СТЕЛЛА: Принесла, Миша, принесла... Не так уж легко это оказалось.

Бесстыдным жестом залезает в трусы. Достает листок бумаги. Отдает **ТРЕХНЕВУ**. Тот подносит его близко к лицу, пыгается прочесть.

СТЕЛЛА: Ты что, нюхаешь его, что ли?

ТРЕХНЕВ: Помолчи, сучка! Почерк неразборчивый у этого жида... темно... очки не взял... Ладно, читай сама. Только медленно.

СТЕЛЛА (*читает, немного запинаясь*): "Понедельник, 15 сентября 199... Игорев В.Ф. У пациента признаки агрессивности, сопровождающиеся манией преследования. Бессонница. Неумеренное потребление алкоголя, наркотиков. Прогрессирующие параноидальные тенденции, перемежающиеся паническими атаками. Навязчивая идея, связанная с человеком по кличке "меченый". (*Пауза.*) Миша, а Фридлянд знает, что это твоя лагерная кликуха?"

ТРЕХНЕВ (*спокойно*): Ничего он не знает. Читай дальше.

СТЕЛЛА (*продолжает*): "Объяснил терапевтическое действие механизма объективизации страхов. Рекомендовал записывать подробно все подозрения. Следующий визит: четверг, 18 сентября, 2 часа дня."

ТРЕХНЕВ: Почти раскололся, гнида!

СТЕЛЛА: А, может, всё же Гонзалеса предупредить? Ведь во вторник следующая партия должна прийти.

ТРЕХНЕВ: Не суйся не в своё дело! И не паникуй! Федосеев сегодня в прокуратуру звонить будет. До вторника всё успокоится. (Пауза.) Дай сюда эту бумажку. (Вынимает зажигалку и поджигает листок.) Бережёного Бог бережёт.

С улицы заходят в подъезд ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА и ПТИЦЫН. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА в большой чёрной шляпе. Из-под шляпы видна крашеная прядь волос, перевязанных ярко-красным бантом. ПТИЦЫН в своём неизменном синем костюме.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Ой, Михаил Николаевич, вы?! Что это вы тут костёр устроили?

ТРЕХНЕВ: Понимаете, кошелёк я потерял... Темнота здесь... (Машет рукой.) А? ладно! Сколько там могло быть? Не в деньгах счастье. Правда, Елена Алексеевна?

ПТИЦЫН: А как вы здесь оказались?

ТРЕХНЕВ (строго): Стелла Ильинична ходила на приём к доктору Фридлянду и попросила меня подождать. Много шпаны кругом.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Похоже, весь город теперь к моему доктору ходит...

ТРЕХНЕВ: У Стеллы Ильиничны с нервами в последнее время не в порядке.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: С нервами? Не смешите, откуда у неё нервы?

СТЕЛЛА: А ты, тётя, после смерти мужа, похоже, ещё глупее стала!

ТРЕХНЕВ: Елена Алексеевна, дорогая моя! Вениамина Фёдоровича уже с нами нет, а вы всё ссоритесь.

Маленькая пауза.

ПТИЦЫН: Михаил Николаевич, а когда же вы наследство Елене Алексеевне переведёте?

ТРЕХНЕВ: Не волнуйтесь. Не обидим мы её. Вот следствие закончится... Дела у Вениамина Фёдоровича оказались очень запутанными.

Пауза. СТЕЛЛА пожимает плечами и, не прощаясь, выходит на улицу. Поджигает ТРЕХНЕВА.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (останавливает ТРЕХНЕВА): Михаил Николаевич, а вы Кольцова последнее время не видели?

ТРЕХНЕВ: Нет, уже три дня не видел.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Вы его, когда увидите, попросите мне позвонить. У меня к нему дело важное.

ТРЕХНЕВ: Конечно, дорогая моя.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (ПТИЦЫНУ): Пойдёмте, Витенька. Нам ещё сегодня на кладбище надо успеть.

Берёт ПТИЦЫНА под руку и поднимается вместе с ним вверх по лестнице. ТРЕХНЕВ выходит на улицу. Закуривает. Узел морщин у него на лбу распускается.

ТРЕХНЕВ: Слушай, сучонок, поедем ко мне. Отдохнём немного. Я тебе подарок приготовил. Хороший подарок.

СТЕЛЛА: Не хочу я к тебе ехать!

ТРЕХНЕВ: Что??

СТЕЛЛА (*струсив*): Да не кричи, приеду через часик. Надо же себя в порядок привести... А что за подарок?

ТРЕХНЕВ: Вечером увидишь... не пожалеешь.

СТЕЛЛА: Ладно, Меченый, уговорил.

СТЕЛЛА медленно удаляется, покачивая бёдрами. ТРЕХНЕВ стоит в центре сцены и задумчиво курит. Затем резким движением бросает окурок на мостовую, тушит его каблуком и уходит.

Затемнение. Круг поворачивается.

Снова виден кабинет ФРИДЛЯНДА. ФРИДЛЯНД за столом что-то пишет. Затем кладёт папку в шкаф с историями болезней и запирает его. Звонок в дверь. Затем ещё звонок. ФРИДЛЯНД, наконец, открывает. Входят ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА и ПТИЦЫН.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Вы уж извините, Евгений Александрович, что не предупредила. Мы на кладбище собрались. Сегодня ведь девять дней. А я по дороге решила зайти, рецепт попросить. Таблетки кончились. Чувствую себя ужасно... Что-то с головой последнее время. (*Пауза.*) Таня сейчас сюда за нами заедет. Еле уговорила... И вот, Витенька согласился. (*Ласково притрагивается к рукаву птицынского пиджака.*)

ФРИДЛЯНД: Хорошо, хорошо. Я сейчас. (*Выписывает рецепт, отдаёт его ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ.*)

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Спасибо, Евгений Александрович. Мне это очень помогает... Столько дел теперь, совсем с ног сбилась, а Тани никогда дома нет. Вчера, вообще, ночевать не пришла. Что с ней происходит, ума не приложу.

ПТИЦЫН: Что это вы, доктор, бледный такой?

ФРИДЛЯНД: Нет, ничего... Сердце мудрого в доме печали... А не выпить ли нам, пока вы тут Таню ждёте? Подкрепитесь перед кладбищем.

Достаёт из буфета бутылку коньяка, нарезанный лимон и рюмки. Разливает.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Ну что ж, раз мой доктор советует.

ПТИЦЫН (*серьёзно*): За вас, Елена Алексеевна! И за всех нас! Дай-то нам Бог уцелеть и людьми остаться!

ФРИДЛЯНД пьёт залпом до дна, запрокинув голову. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА мелкими глоточками. ПТИЦЫН, чуть пригубив рюмку, ставит её на стол.

ФРИДЛЯНД (*немного захмелев*): Виктор Сергеевич, давно хотел спросить, почему это вас сектантом зовут?

ПТИЦЫН (*смущаясь, но твёрдо, как на исповеди*): У меня несколько друзей есть... Собираемся иногда... Я в прошлом году в аварию попал, вы знаете... Пять дней без сознания пролежал... Приостановил Господь жизнь мою. Но потом, когда возвращался в этот мир, многое осознал...

ФРИДЛЯНД (*разжёвывая лимон*): Может, поделитесь?

ПТИЦЫН: Не станете вы всерьёз слушать. Вы ведь меня в душе дурачком считаете. Думаете, я не понимаю?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*искренне*): Ну что вы, Витенька!

ПТИЦЫН (*не обращая внимания*): И чего слушать-то меня? Маленький я человек. И раньше был маленьким при советской власти, когда филологией своей, никому не нужной, занимался. А теперь, после аварии, ещё меньше. Нынче слушают только тех, кто денег успел наворовать, да кликуш разных, концом света страшающих... А только и мне дал Господь увидеть частицу Свою!

ФРИДЛЯНД: Простите, Виктор Сергеевич, не хотел вас обидеть.

ПТИЦЫН: Не в обиде дело... Просто объяснить трудно. Далеко это слишком от вас. Вы и в Бога-то по-настоящему не веруете.

ФРИДЛЯНД (*сморщившись, проглатывает лимон*): Нет, почему же...

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Я так верую... очень хочу верить... Но ведь сколько скотов кругом... Отчего это?

ПТИЦЫН (*не обращая внимания*): Лежал я тогда в больнице неподвижный, как камень. Пальцем пошевелить не мог, и чувствую, оставил меня Господь... И понял я тогда, что Бог только в движении, что Он всё время растёт в каждом из нас, живых. А мы вместе с Ним расти должны, понимать всё глубже слово Его... Это как дорога, у которой ни конца, ни начала, а оступишься, и в такую грязь попадёшь... Вот мы и пытаемся...

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Витенька, а почему Господь Бог чуда какого-нибудь явного не сделает? Чтобы все сразу уверовали?

ПТИЦЫН (*немного снисходительно*): Ну какое же чудо убедит Евгения Александровича? Он ведь на всё скажет: галлоцинация, масовый психоз... Нет, сами мы должны к вере прийти. Поодиночке. Мне для этого между жизнью и смертью побывать пришлось... Мы ведь думать начинаем только когда нас по голове ударят как следует.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Это правда. Я, вот, за последнюю неделю очень много чего поняла. И про себя, и про всех остальных.

ФРИДЛЯНД: Не можете вы быть объективным, Виктор Сергеевич...

ПТИЦЫН: Это почему же? Из-за того, что у меня половина лица изуродована, что ли?

ФРИДЛЯНД: Да нет, что вы! При чём тут это... Просто странно как-то у вас получается... Словно каждый себе из религии кусок поудобнее выбрать может. Попробуйте яснее выразить свою мысль.

ПТИЦЫН (*упрямо*): Выбирать нечего. В том-то и штука, что всё уже дано. К себе прислушаться надо. Господь ведь в каждом из нас говорит! (*Маленькая пауза.*) Вы, вот, Евгений Александрович, еврей, верно?

ФРИДЛЯНД: Честно говоря, и не знаю. Родители у меня евреями были, а я уже ассимилировался почти совсем. Ну какой я еврей... Книжки про еврейскую историю читаю с удовольствием, а живу, как видите, здесь. В Израиль ехать поздно, да и языка не знаю... застрял я...

ПТИЦЫН: Неужели же вы думаете, что вы евреем случайно родились? И что три тысячи лет все предки ваши евреями были тоже случайно? И случайно на свет появились в России и живёте в такое вот время, нервы русским людям лечите? И случайно в Израиль не уезжаете? А Христос, по-вашему, тоже случайно евреем родился? Или есть во всём этом смысл какой-то? Ведёт ведь и вас Господь, учит всей жизнью вашей, а вы к Нему даже прислушаться не хотите.

ФРИДЛЯНД (*задумчиво*): Да я бы и рад прислушаться. Только не знаю, к чему... А если это я всё сам себе внушать буду? Мама моя любила говорить: "человек думает, а Бог смеётся"... Много чего случайно в голову может взбрести.

ПТИЦЫН: Нет ничего случайного. Просто понимаем мы мало, вот и кажется... Откровение Божие всё время продолжается, на глазах наших разворачивается, а мы к нему не готовы... Может, сейчас на Кольме где-нибудь Мессия уже на Землю пришёл. Спасти пытается последних бандитов, убийц. А Его всерьёз никто воспринимать не хочет. Смеются только, издеваются... А то и убьют снова...

ФРИДЛЯНД: Ну и фантазии у вас!... Да ведь как узнать, кого слушать-то? Мне каждый день мои пациенты столько говорят, голова кругом идёт... Блаженны нищие духом...

В дверях появляется ТАНЯ.

ТАНЯ (*весело*): Вы, что, никак опять поминки справляете?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Просто тебя ждём, а Витя нам пока про Бога объясняет.

ТАНЯ: И не надоело?! Слова одни, за которыми ничего!... Я сейчас к вам шла, внизу бездомные прямо на улице спят. Окурки, бутылки, дети. Всё вместе... А вы тут... разговариваете, коньячок попиваете...

ПТИЦЫН (*серьёзно*): Вот вы бы и продали машину свою. Колечко у вас на руке – бриллиант ведь – тоже стоит много. А деньги бы эти бездомным и отдали.

ТАНЯ (*резко*): Нет уж! Если и давать, то не этим ничтожествам. Они ведь пропьют всё, что им ни дашь, на следующий день!

ПТИЦЫН: А кому же давать тогда?

ТАНЯ: Тем, кто сделать что-то могут, изменить. (*Пауза.*) Виктор Сергеевич, а что вы думаете о банках спермы?

ПТИЦЫН: Каких банках?

ТАНЯ: Ну... банках, где хранят мужское семя. Чтобы женщина без мужчины могла забеременеть. И гены подобрать для своего ребёнка. Я слышала, в Америке много женщин искусственным осеменением пользуются.

ПТИЦЫН: Нет, мне всё-таки естественное больше нравится... Странные вещи вас волнуют.

ТАНЯ: Конечно. Вам-то рожать не придётся... Чего вам об этом думать!

ФРИДЛЯНД: Таня, вы с Фёдором Вениаминовичем последние дни часто виделись?

ТАНЯ (*с вызовом*): Виделась! И ещё увижусь! Он, по крайней мере, сильный человек, знает, чего хочет, и умеет добиваться. И друзья у него интересные.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Таня! Я тебя прошу, умоляю тебя, не встречайся больше с ним! Тебе нельзя!

ТАНЯ: Почему это нельзя? А тебе можно?... Он мне всё сам рассказывал, что у вас там было. Даже фотографии твои видела.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*истерически*): Не смей, слышишь?! Не смей!

ТАНЯ: Вот уж не ожидала от тебя... Только кончилось это. Да и плевать мне.

ПТИЦЫН подходит к ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ и осторожно кладёт ей руку на плечо.

ПТИЦЫН (*ТАНЕ*): На многое вам плевать последнее время. (*Пауза.*) Я слышал, следствие закончилось. Так, значит, известно, кто убил Вениамина Фёдоровича?

ТАНЯ: Славные чекисты, наконец, напали на след неуловимого убийцы!

ФРИДЛЯНД: Что-то слишком быстро они провели это следствие...

ТАНЯ: А какая разница, кто на курок нажал. Всё равно бы его убили... Ладно, отвезу вас туда в последний раз, положу веночек и вспоминать о нём больше не буду. Мёртвый он. А мне жить охота... Пойдём, что ли?

Уходит, не дожидаясь ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНЫ и ПТИЦЫНА.

Телефонный звонок. ФРИДЛЯНД берёт трубку, затем передаёт её ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*слушает, лицо её покрывается красными пятнами*): Владимир Петрович, как вы меня нашли?... что?... опять их всех?... и его тоже?... Нет! Не могу я больше его видеть!... Постойте, дайте хоть немного подумать... ну хорошо, я это сделаю... раз нужно... (*Вешает трубку. Пауза. Продолжает с трудом.*) Евгений Александрович, мы пойдём... Да, чуть не забыла! Я в субботу на Кипр уезжаю, отдохнуть немного после всего. Так что хочу перед отъездом всех снова повидать. Приходите ко мне сегодня вечером, часов в восемь, хорошо? И Владимир Петрович будет. Он что-то рассказать нам хочет.

Прощаются. Уходят. ФРИДЛЯНД берёт с полки первую попавшуюся книгу. Пытается читать. Раздражённо бросает книгу на пол. Допивает из горлышка коньяк.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

В тот же день вечером.

Сцена разделена на две половины. Левая половина затемнена. Правая, ярко освещённая, представляет собой гостиную в доме Игоревых. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА накрывает на стол. Входит ТАНЯ в джинсовом платье и кедах.

ТАНЯ: Привет. И для чего тебе гостей опять собирать?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Владимир Петрович, следовательно, просил. Я не могла отказать. Зачем-то ему это нужно.

ТАНЯ: Когда же, наконец, закончится это проклятое следствие?... А может, он хочет, как в детективном романе, собрать нас всех и торжественно разоблачить убийцу? Интересно. (*Преувеличенно спокойно*): Федя мне сказал, ты его тоже пригласила?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*с трудом подбирая слова*): Тانيا, я должна с тобой поговорить.

Быстро вынимает из ящика буфета металлическую коробочку, сворачивает самокрутку, глубоко затягивается.

ТАНЯ: Ты что, без этого уже совсем не можешь? Сейчас же к тебе гости придут.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*истерично*): Не мешай... Я должна сказать тебе... Я сама только вчера от следователя узнала... Не могла же я сегодня на кладбище с тобой об этом... Понимаешь,... Кольцов (внебрачный сын твоего отца. Он, когда на поселении жил в Тюмени, сошёлся там с какой-то бабой...

ТАНЯ: Что??... Ты что, совсем от травы своей сдурела?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*затягиваясь, рука её дрожит*): Вот смотри, справка из тюменского областного ЗАГСа... Я сама сначала не могла поверить.

ТАНЯ читает. Медленно садится на пол. Пытается что-то сказать и не может. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА садится с нею рядом, обнимает за плечи. Несколько секунд сидят молча. ТАНЯ берёт у неё самокрутку. Закашливается.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Танечка, пойми, я не знала... Господи, неужели же поздно?

ТАНЯ: Поздно... всё поздно... Отстань от меня, наконец! (*Вскакивает.*) Пошла ты к чёрту! (*Убегает к себе в комнату.*)

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА с трудом поднимается с пола. Что-то старушечье появляется в её движениях.

Свет в гостиной гаснет и освещается левая половина сцены.

Спальня ТАНИ. На полу во всю комнату белый ворсистый ковёр. Разобранная постель. Повсюду раскиданы вещи. У стены, обращённой к залу, столик с косметикой. Над столиком огромное зеркало. ТАНЯ в платье лежит на постели, зарывшись с головой под подушку. Наконец она встаёт и, пошатываясь, идёт к столику. Медленно, как во сне, раздевается догола. Стоит перед зеркалом в одних кедах и пристально рассматривает себя.

ТАНЯ (*тихо*): Ну и дура же ты, Танька!... Доигралась... Покрутили у тебя перед носом стеклянным шариком, пару слов красивых сказали — ты и уши развесила... "Молодая Россия", "новая порода русских"... Мерзость какая! (*Маленькая пауза.*) А ведь правда, он на отца жутко похож.

Передёргивается. Минуту стоит неподвижно. Замечает что-то в зеркале и со страхом всматривается. Отражение её исчезает и вместо него появляется расплывчатая мужская фигура в солидном двубортном пиджаке и широком галстуке. В руке раскачивается сверкающий шарик. Лица не видно.

ТАНЯ: Ты??... Тебя же нет!... Убирайся, слышишь! Тебя убили!

ФИГУРА В ЗЕРКАЛЕ (*усмехаясь*): Меня так просто не убьёшь... Нет дочка, я от тебя не уйду...

ТАНЯ: Останови ты этот проклятый шарик!... Что тебе нужно от меня?

ФИГУРА В ЗЕРКАЛЕ: Это всё Федька с Меченым... ты тут ни при чём... Убрать его надо...

ТАНЯ: Уходи! Ты же мёртвый! Я сама видела, как тебя в землю закапывали! Уходи отсюда, а не то...

ФИГУРА В ЗЕРКАЛЕ: А не то что?... Ладно, пойду... дел у меня ещё много здесь осталось... скоро вернусь.

ФИГУРА В ЗЕРКАЛЕ исчезает. ТАНЯ рывком срывает зеркало со стены. Ползает по нему на коленях, вглядываясь внутрь. Тело её истерично трясётся. Непонятно, плачет она или смеётся.

Свет в спальне ТАНИ гаснет. Снова освещается гостиная. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА сидит, беспомощно ссутулившись, одна за накрытым столом. Глаза её закрыты. За окном слышен рёв милицейской машины, и сразу же входит ТРЕХНЕВ с маленьким аккуратным чемоданчиком.

ТРЕХНЕВ: Здравствуйте, Елена Алексеевна, дорогая моя. Значит так. Я специально пораньше пришёл. Деньги вам принёс на мелкие расходы. *(Ставит чемоданчик в угол.)* Десять тысяч долларов, как обещал.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА *(безразлично)*: Вам расписка нужна?

ТРЕХНЕВ: Ну что вы, Елена Алексеевна! Какая расписка! Мы должны помогать друг другу... Много народу ожидаете сегодня?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Да нет. Все, кто на поминках были... и Владимир Петрович.

ТРЕХНЕВ *(усмехаясь)*: Похоже, вы с ним сильно подружились?

Появляется ФРИДЛЯНД.

ФРИДЛЯНД: Добрый вечер. *(Принюхивается.)* Елена Алексеевна, вы опять?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Ничего, ничего... я сейчас. *(Приносит из кухни вентилятор и включает его.)*

ТРЕХНЕВ: Здравствуйте, Евгений Александрович. Давненько не виделись. *(Закуривает, внимательно глядя ФРИДЛЯНДУ в глаза.)* Скажите, вас тоже допрашивали?

ФРИДЛЯНД *(раздражённо)*: Никто меня не допрашивал!

ТРЕХНЕВ *(выпускает дым)*: Значит, так. Я человек прямой, медицину уважаю и к вам отношусь с большой симпатией. Предупредить хочу... Трудно вам будет жить, если меня врагом сделаете.

ФРИДЛЯНД: Говорю я вам, никто меня не допрашивал. Сеструхин один раз приходил. Сегодня часов в пять. Читал истории болезней, что-то себе выписывал, а мне ни одного вопроса не задал. Потом сразу ушёл. Похоже, торопился.

ТРЕХНЕВ *(похлопывая его по плечу)*: Часов в пять? Ну вот и хорошо... всё путём, значит.

Входят СТЕЛЛА с большой коробкой конфет и КОЛЬЦОВ в солидном двубортном костюме и широком галстуке. Волосы его тщательно расчёсаны на прямой пробор.

СТЕЛЛА (*улыбаясь*): Это тебе, тётя Лена.

КОЛЬЦОВ преувеличенно серьёзно наклоняет голову и шёлкает каблуками. ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА берёт конфеты. Не обращая внимания на КОЛЬЦОВА, садится за стол.

ТРЕХНЕВ (*ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ*): А вы одна на Кипр собираетесь?

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Одна... Одна я...

ТРЕХНЕВ: Ну что вы, дорогая моя! У вас здесь столько друзей. (*Делает жест в сторону КОЛЬЦОВА*).

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА (*тихо*): Да перестаньте!

ТРЕХНЕВ: А чего это ты, Федя, причёску поменял?

КОЛЬЦОВ: Да вот, хотел перед Еленой Алексеевной в новом виде показаться.

ФРИДЛЯНД (*ТРЕХНЕВУ*): Как вы думаете, следствие скоро закончится?

ТРЕХНЕВ: Скоро!

ФРИДЛЯНД: Осведомлённый вы человек, Михаил Николаевич.

Входят СЕСТРУХИН и ДРЕЙФУС.

СЕСТРУХИН: Добрый вечер, Елена Алексеевна. Мы тут по дороге с Петром Абрамычем встретились. Интересно очень поговорили.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Садитесь, пожалуйста.

Рассаживаются вокруг стола. Разливают водку. Набирают еду в тарелки.

СЕСТРУХИН (*встаёт*): Я хочу предложить тост. Но перед этим должен кое-что объяснить. Это я попросил Елену Алексеевну собрать вас всех сюда, чтобы сообщить, что дело о смерти Вениамина Фёдоровича по указанию прокуратуры прекращено. Факт самоубийства подтверждён. Все документы переданы на хранение в Федеральную Службу Безопасности.

ТРЕХНЕВ, усмехаясь, смотрит на СТЕЛЛУ, потом переводит взгляд на КОЛЬЦОВА. Узел морщин на лбу у ТРЕХНЕВА медленно распускается.

СЕСТРУХИН (*глядя в упор на ТРЕХНЕВА*): Я, конечно, сохранил копии всех документов.

ТРЕХНЕВ (*выпуская дым*): Владимир Петрович, а ведь это нарушение закона, оставлять копии с документов, переданных на хранение в ФСБ. Я думаю, у вас из-за этого неприятности будут.

Входит ПТИЦЫН, кивает ЕЛЕНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ и осторожно присаживается к столу.

СЕСТРУХИН: Неприятностей у меня не будет... А документы есть очень любопытные... Вот, не хотите-ка послушать, я как раз плёночку с собой захватил, разговор Михаила Николаича и Фёдо-

ра Вениаминыча с колумбийским подданным господином Гонзалесом в ресторане “Метрополь” за день до смерти Игорева?

Пауза.

СТЕЛЛА (*поднимаясь*): Я пойду... Зря я сюда пришла.

СЕСТРУХИН: Куда же вы, Стелла Ильинична? В этой плёнке и про вас много есть. Вы ведь в Колумбию часто летали? И господина Гонзалеса хорошо знаете? (*СТЕЛЛА покорно садится.*) ... Так, так. Значит, не желаете плёночку слушать? Я, кстати, копию с неё и со всех остальных докуметов послал одному моему близкому другу, журналисту. Если у меня неприятности какие случатся, уж он этими документами найдёт, как распорядиться. (*Пауза.*) Так я гост хочу предложить. За полное прекращение следствия!

КОЛЬЦОВ: Ну что ж, со свиданьицем! Поехали!

ПТИЦЫН (*СЕСТРУХИНУ*): А ведь вы, Владимир Петрович, не лучше их.

КОЛЬЦОВ: Помолчи, юродивый!

ПТИЦЫН: Почему это я должен молчать? Потому, что следствие прекращено, что ли? Вы, вот, у нас уже деньги к рукам прибрали... милицию... женщин... А теперь, значит, чтобы все молчали?

СЕСТРУХИН: Не надо, Виктор Сергеич. Вы совсем в другом мире живёте.

ПТИЦЫН: В другом! Только ваш мир моему дышать не даёт! (*Указывает рукой на ЕЛЕНУ АЛЕКСЕЕВНУ.*) Она, вот, тоже двадцать лет молчала, пока этот вурдалак ваш из неё кровь пил...

ДРЕЙФУС: И чего мы ссоримся?... Следствие прекращено... Всё обошлось... Давайте лучше выпьем за Елену Алексеевну, за её удачный отдых на Кипре.

КОЛЬЦОВ: На Кипре мужики темпераментные. Вы уж поосторожнее там.

В дверях спальни появляется ТАНЯ, совсем голая в одних кедах. Волосы её растрёпаны. Глаза совершенно стеклянные. Заложив руки за спину, идёт прямо на КОЛЬЦОВА. Всеобщее замешательство.

ТАНЯ: Весело как у вас. Водку пьёте... И ты, братик, здесь? Ну, что? Вывел новую породу? Сперму всю сдал? Папу прикончил, поразвлекался с мамой, сестричку трахнул и отдыхаешь? (*Вынимает из-за спины пистолет.*) Я тебя сейчас убивать буду, сука!

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА: Таня! Что ты делаешь!!

КОЛЬЦОВ (*встаёт*): Не волнуйтесь. Просто у девочки истерика... Слабенькая она у вас.

КОЛЬЦОВ подходит к ТАНЕ вплотную. Оскалившись, смотрит на неё. ТАНЯ замуривает глаза и нажимает на курок. Раздаётся выстрел. Затем ещё один. Шум,

крики. КОЛЬЦОВ вырывает у неё пистолет и бросает на пол. Пробор у него в голове вспыхивает, словно лезвие в электрическом свете.

КОЛЬЦОВ (*презрительно*): Дурочка, это же игрушка! Неужели ты думаешь, я настоящий пистолет так бы просто отдал?... Игра это всё... Игра!

ТАНЯ опускается на пол. Всё её тело трясётся в ознобе. ДРЕЙФУС подходит к ТАНЕ и, немного помедлив, набрасывает на неё пиджак. Гости поспешно расходятся. ПТИЦЫН на секунду задерживается в дверях и смотрит на ЕЛЕНУ АЛЕКСЕЕВНУ. Она машет рукой, и он тоже уходит, осторожно закрывая дверь.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА садится рядом с ТАНЕЙ на пол. Обнимает её за плечи.

ЗАНАВЕС

Конец

Авг.-Сент. 1995